

Секция

«НЕМОСКВА: практики управления на основе социологических данных в российских регионах»

Модератор Петрова Лариса: Я хочу начать со слов благодарности, прежде всего организаторам - всероссийскому центру общественного мнения. Потому что они включили в программу, специальным образом, вот это обсуждение. Обсуждения того, каковы, практики управления с помощью социологических данных в регионах. На конференции об этом можно судить по программе, а также по докладам. Нередко мы видим представление регионального опыта и региональных данных. Мы же хотели сосредоточиться именно на том, как они используются для управления регионом, исполнительными и законодательными властями. Бизнесом на уровне, в масштабе региональном. И, может быть, некоммерческими организациями, городскими сообществами и так далее.

Я должна сказать, что у нас вообще была идея с Марией Георгиевной Бурлуцкой, моей подругой и коллегой, идеи опроса.

У всех есть приложения ВЦИОМ, в котором есть папка и там ещё вчера был вопрос насчёт того, как в регионах используются эти данные. Но там небольшой был косяк, когда в последнем вопросе не было, не были видны нам результаты ответов и, конечно, это, видимо, стало основанием, к большому сожалению, для того, чтобы вопрос вообще сняли.

У меня есть какие-то данные, которые были давно. Они немножко забавные и смешные. Тут всего несколько человек было опрошено, но я позволю себе привести их вам.

Скажем, вопрос был, как бы вы могли оценить, на сколько в вашем регионе муниципальные и региональные власти учитывают результаты соц исследований при принятии решений. Здесь всего несколько человек, но на четвёрку оценили 34%, это максимальный. На тройку 20%. А вот используют вообще максимально на 7, баллов 7. Это всего 4,5%. Хотя мало опрошенных людей, но, конечно, даже эти эксперты, те кто первые сказал, это очень и очень печальная картина. На пока, может быть, не выгружено больше результатов. Мы ещё к ним подойдём.

То есть специфика нашего разговора заключается в том, что мы можем на конкретных кейсах исследований понять, каковы возможности ограничения, какие складываются практики использования этих данных.

И вот я секцию назвала НЕМОСКВА и мне очень нравится, что некоторые докладчики, в частности, Сергей Ушкин прямо подхватил этот тег, можно сказать, НЕМОСКВА.

Я из Екатеринбурга. Я не представилась. Меня зовут Петрова Лариса Евгеньевна, я из Екатеринбурга и здесь за столом сидят люди, которых не Москва объединила на этой секции. Однако не все они из не Москвы. Вообще НЕМОСКВА, это название такого огромного

проекта, который моя коллега Алиса Прудникова ведёт сейчас в государственном центре современного искусства. НЕМОСКВА, это такой проект, когда ищут современное искусство в российских регионах. Не только в столице, но и там. Мы, можно сказать, являемся преемниками этой традиции. Давайте искать не только современное искусство, но и практики, управленческие практики, основанные на социологических данных тоже в НЕМОСКВЕ.

Мне кажется, что социальную инженерию, наша секция завершает конференцию и, по-моему, совершенно очевидно, что за два дня мы услышали очень много определений того, что такое социальная инженерия. Я в аннотации к секции написала свое видение этого. Мне кажется, что социальная инженерия, как один из вариантов, возможных подходов к этому, а это, когда некое знание актуальное становится управленческим решением.

Я хотела бы, прежде всего, с этой точки зрения, поговорить. Но и поскольку время-то позднее, у меня в программе было предложение по 12 минут доклада, у меня сейчас другое предложение.

У нас, из тех, кто был заявлен на выступлении, из них у нас Константин Галкин здесь. Больше никого нет, я правильно понимаю? Я списывалась с докладчиками. Хотя у нас есть все выступления, заявленные как выступления спикеров. Может быть, мы сделаем 20 минут на доклад, включая и доклад, и вопросы, и, тогда сам докладчик сможет определить, на что он больше хочет сориентироваться. Вы согласны? Докладчики? Слушатели? Все согласны.

Я бы ещё хотела сказать о цели. Мы представим разные кейсы и разный опыт. Мы их обсудим, но, мне кажется, было бы прекрасно, если бы нашим результатом стала такая, своего рода, инструкция агента, которая на этом региональном поле действует. Понятно, что есть ключевые агенты. Это власти разного уровня: и исполнительные, и законодательные. Это бизнес. Опять же, тот крупный бизнес, который, как правило, берёт на себя социальную ответственность за развитие региона. И на конец, это некоммерческий сектор. И сегодня мы наблюдаем буквально бум таких инициативных групп горожан, которые готовы использовать любые механизмы для того, чтобы лоббировать собственные интересы.

Если нашим результатом станет такая, своего рода инструкция, это будет прекрасно. Инструкция по тому, как взаимодействовать, по поводу социологических данных и как сделать так, чтобы они были максимально востребованы.

Я такие вопросы сформулировала в программе и прошу каждого докладчика ответить на них сейчас, в ходе своего выступления. Есть небольшая перемена, потому что в программе под пятым номером заявлен Олег Борисович Вашков. Он запланировал встречу в 6 часов. Прямо во время своего доклада и, во-первых, а, во-вторых, изменил тему своего доклада. Всё это для меня очень неожиданно. Просит выступить пораньше. И спрос на наших спикеров высокий, потому что Бурлуцкая тоже должна сделать доклад и уйти.

В общем, как обычно всё очень живо и интересно. Поэтому мы первым, как в программе заявлено, послушаем Марию Георгиевну, а потом дадим слово Олегу Борисовичу, а так, дальше порядок будет соблюден.

Бурлуцкая Мария: Я такой гастролер сегодня, поэтому прошу прощения, я бы всех послушала, на самом деле. Потому что, мне кажется, тема очень интересная, и я постараюсь ответить на первый вопрос. Точнее не ответить. Потому что окончательного ответа у меня нет. Но я вижу проблему и как я ее вижу, постараюсь поделиться с вами и какие-то наши попытки с ней работать тоже.

Значит, этот вопрос просто читаемый. Не у всех же есть программа под рукой. Кто, кого не понимает, проблемы взаимодействия исследователей и практиков. И тут, собственно, в самой теме доклада есть некоторый по этому поводу ответ. Мне кажется, что нужно задуматься над контекстом интерпретации данных, которые мы получаем, когда приходим изучать по заказу, по инициативе, по грантовому финансированию. Когда мы приходим изучать какую-то проблему в локальном масштабе. В конкретном городе, не в конкретном регионе. Я буду говорить конкретно, примеры приводить именно о городах.

То есть всё хорошо, когда мы описываем что-то. Мы проводим со всеми нашими методиками всё, что мы можем собрать данные. Мы их описываем и всё хорошо, но, когда мы должны выходить на уровень рекомендаций и каких-то даже более-менее глубоких выводов, у нас впереди встает этот барьер некий. Потому что сама ценность данных исследований, которые мы получили, описали - она недостаточна.

В прошлом году, на предыдущей Грушинской конференции, на пленарном заседании, профессор Иванов из Санкт-Петербургского университета, сказал одну вещь, которая мне очень сильно запала в душу и над которой, можно сказать, я целый год и думала. Он обратил внимание, что очень многие процессы в современном мире происходят в мегаполисах. И социология, в общем, тоже про мегаполисы. И когда мы приходим в регионы, причём, я сама тоже из Екатеринбурга. Когда москвичи приезжают или отсюда в колл-центры, онлайн-опросы они изучают нас, а не с позиции, я не буду говорить своего опыта, но с позиции теории, которое современное общество описывает, прежде всего, для крупных городов.

И когда мы приходим в другие, более мелкие, потому что Екатеринбург тоже, в общем, в этом же контексте современности, мы многого не понимаем. Это известная проблема глобального и локального, теоретически описана. Я сейчас на этом останавливаться не буду. По моему мнению, важная задача сегодняшней социологии, если мы хотим ходить на эти практические рекомендации, это локализация данных. Локализация результатов исследований.

В маркетинге есть такая задача, всегда, когда бренд приходит на новую территорию, он должен локализоваться, перевестись на местный язык. Вот что-то такое мы должны придумать как делать.

Два примера, на которых я попробую рассказать, как мы это делали и в чём были проблемы и как мы пытались их решить и интерпретировать.

Первый пример, это некоммерческий проект. Это профинансированный фонд благотворительным фондом Потанин. Исследование аудитории и площадок современного искусства в крупных городах.

Сейчас, внезапно, шаг в сторону, книжка вышла. Мы уже проанализировали все эти данные. Очень всем рекомендую ее приобрести за бесплатно, заказав на сайте специальном. Это исследование.

В общем, было, действительно, эта самая НЕМОСКВА. Было 7 городов, они крупные в большей или меньшей степени крупные, это региональные центры, но, тем не менее, очень разные города и очень интересная интеллектуальная задача описать аудиторию современного искусства, которое везде разное и везде своё. Исследование, оно, конечно, у нас некоммерческое. Но его страшно ждали все практики площадок современного искусства. Когда вы закажете эту книжку и ее прочитаете, вы увидите, что мы там аккуратно и очень, как раз деликатно обошли вообще тему различия городов. И первое, что, как раз говорят практики, то есть мы, в принципе, описали аудиторию современного искусства. Как она развивается. Про это я сейчас не буду рассказывать.

Одной из наших задач было выделить и ядерную аудиторию и её описать, то есть, кто активные посетители, периферийную аудиторию и перспективную аудиторию. Всё мы это сделали, там это написано, нам это всё полезно. Первый вопрос, который нам задают. А у нас как? А что у нас? Это всё хорошо, про всю Россию. А у нас? Понятно, что второй вопрос не про город, вы догадываетесь, конкретно на нашей площадочке как. Мы сейчас туда не будем спускаться. А это следующий, видимо, шаг.

Дальше мы смотрим, разница есть. Они говорят, как у нас и мы, когда ездили даже в разные города это презентовать, мы начинаем уже смотреть по городам, хотя такой вот прямо задачи не было. Мы можем эти данные расщепить. Там много разных методов было, потому что мы всё это предвидели. В общем, и основной метод, и основные цифры, которые все хотят видеть, это те 800 человек, которые мы опросили в аудитории. Вот они разные. Как мы поймем, почему в Екатеринбурге 20% ядро. Ядро, это те, кто постоянные посетители, 63 процента периферии, это те, кто время от времени, а вот это, которые вообще, в первый раз пришли во время нашего исследования, их мало. А в Нижнем Новгороде наоборот. Почему остальные города, туда зашифрованы Томск, Челябинск, Тюмень. Просто, чтобы там, конечно, везде свое распределение, но тоже, в чём разница, и почему, непонятно.

Мы начинаем анализировать данные. Сейчас для первого курса социологического факультета, линейку. Тоже какая-то разница. Как это тоже интерпретировать, вообще на количественных данных, принципиально, мы можем показать, чем отличается. Что город по-другому ситуация. Но почему нужно куда-то копать, вглубь? Правда? Тут интересная одна из историй. Тут возрастные различия какие-то есть по городам в аудитории. Есть вопросы, есть ли дети, вообще сам по себе очень интересный и 20% аудитории современного искусства с детьми. Просто потому, что они молодые с одной стороны, но те, кто не очень молодые, они тоже редко семейные. В общем, это всё интересно, но разница в данных, если вы видите, она большая. Просто значимая, явно. То есть в Екатеринбурге аудитория 22% с детьми, в Нижнем Новгороде 17. Значимая разница по выборке, по всем. Как это объяснить?

Второй пример. Явно, я ещё раз проговорю это, мало того, что мы это объяснить не можем, мы не можем сказать с уверенностью практикам, типа, друзья, ну, вот что. Ваша

аудитория отличается так-то. А дальше, что с ней делать. Здесь не прочитываются ни объяснения, ни практические выводы.

Второй пример другой. Это исключительно коммерческие исследования, хотя, в смысле, заказ. В этом смысле, коммерческое. Хотя на социально-политическую тематику. Это небольшой город в Свердловской области. Я тут, там много было, опрос большой тоже населения. Там очень проблемная ситуация. Конфликтная. Волнение и всё прочее. И я много не могу тут показать. Вот показываю странный вопрос, все его знают актуальные проблемы, которые волнуют вас сейчас. Посмотрите, как хорошо жить в этом городе. ЖКХ вообще никого не волнует. Низкое качество медицины тоже, вообще мало про это говорят. Если кто такие опросы проводит, вы понимаете, насколько это не типично для современной России, такая история.

Но, с другой стороны, первая проблема, кстати, открытый был вопрос. То есть кодировка, это даже не выбор из этого. Трудоустройство и безработица. Самый первый пункт. Вот, что это и как это мы. А нам нужны рекомендации, конкретно, в этом исследовании было дать по поводу того, как коммуницирует с населением. Какие программы предлагать и так далее. Какие программы предлагать и так далее. То есть, это, как раз вывод на социальную инженерию. Не обращать внимание на коммуналку, можно дать рекомендации, ну, и так далее. То есть вопросов после таких данных остаётся больше, чем ответов. Конечно, мы идём вглубь. Это азы. Но тут я просто те трудности, которые в этих проектах были. Почему-то у нас сейчас очень часто заказчики первое, что они говорят, давайте проведем фокус-группы и в нашем проекте по современному искусству, эта идея тоже была. Но там непонятно, кого звать на фокус-группу. По большому счёту. Потому что фокус-группа, вы знаете, они работают хорошо, когда у нас четко определяемая группа, с которой мы беседуем. Должен быть достаточно однородный состав.

Во втором случае у нас фокус-группы были, но они тоже сильно не проясняют, потому что они, во многом, повторяют просто те данные, которые мы получаем качественно, расцветивают их какими-то историями. Эксперты часто тоже не срабатывают в этой ситуации, потому что эксперты, это те же самые, условно говоря, заказчики на социальную инженерию, ту самую.

Статистика лучше нам объясняет, как правило, потому что в первом случае мы смотрели какую-то статистику, вообще по полю культурному, в смысле современного искусства.

Во втором случае, очевидно, вы видели данные, мы там смотрели статистику экономическую, по безработице. Она помогает, но этого тоже недостаточно.

Ту историю, которую я, то есть тот выход, который мы нашли в том и другом проекте, называется формат полевой экспедиции и погружение в ситуацию. Вот мне кажется, что для локализации данных этот метод, он, как раз, это то решение или такой подступ к решению, которые мы выбирали. Про которые я и хочу рассказать.

Что такое формат полевой экспедиции. Тут нужно сказать, почему не до решения и почему тут больше проблем, пока, как мне кажется, потому что методически, это как исследовательская технология, на мой взгляд, не проработана она. Она в формате каких-то исследовательских экспериментов существует в Российской, во всяком случае, практике. Иногда исследовательской экспедицией называют просто поездку. Когда мы интервью собираем по заданным каким-то и параллельно что-то там смотрим. И я не это имею в виду. А собственно, когда идет погружение в местную жизнь. Контекст. Конечно, она может быть сопряжена с интервью и со всем прочим. Этого не так много. Есть опыт полевых практик в высшей школе экономики. Есть эти публикации. Такие же рассужденческие, больше пока, с первым осмыслением опыта. Есть опыт в экспедиции фонда общественного мнения. Есть опыт экспедиции фонда общественного мнения. Есть опыт экспедиции ассоциации 7 - 89. Ну, и есть разные проекты, которые реализуются. Но методически, мне кажется, прямо не хватает этой истории пока.

Значит, в двух словах скажу, в чём смысл экспедиции и как мы ее проводили. Во-первых, это всегда коллективная должна быть исследовательская работа. Во-первых, метод погружения. То есть это обязательно должно быть проживание. Точка входа какая-то в город и дальше путём наблюдения и путём разговоров с людьми, с экспертами, с простыми людьми. Раскручивание по спирали, точнее не в верх колесо, а наоборот. Должно быть и вниз, в глубь. Бурение, по сути, это дело, местных практик.

То есть, когда было исследование по современному искусству, мы смотрели какие-то события, которые происходят в городе. Потому что всё современное искусство, это какие-то либо выставке, либо что-то. Мы туда шли. Мы наблюдали, как там себя ведёт публика. И мы расспрашивали людей, а куда вы ещё ходите. Шли в эти места. Там разговаривали. То есть мы наблюдали эту досуговую активность, наблюдали аудиторию в естественной среде обитания. В случае с городом этим небольшим, в Свердловской области, мы точно так же приезжали. У нас там были фокус-группы. Но дальше мы с этими людьми, которые приходили на фокус-группы, как-то ещё ходили и разговаривали отдельно. Смотрели как эти улицы у них организованы. В смысле, как просто жизнь происходит. То есть это такое вживание.

Формат коллективной исследовательской работы, это как любое этнографическое исследование. Ты не можешь это делать один. Это осмысление должно идти всё время во взаимодействии. И постоянная интерпретация работы с гипотезами, причём очень хорошо работал, на мой взгляд, вот мы тоже не до конца осмыслили ещё этот опыт. Надо, видимо, статью написать. Хорошо работает обсуждение результатов не только между исследователями, но и с объектом. То есть с самими жителями, с самой аудиторией современного искусства, с самими активистами какими-то. Потому что те гипотезы, которые у нас появляются, в них ничего плохого нету, это даже наоборот хорошо. Это новый вид информационный. Если мы им напрямую говорим, вот нам кажется так. Мы идиоты или под этим что-то есть? Просто, на самом деле, я заканчиваю. Картинка, это самая аудитория, во-первых, насколько она в экспедиции становится уже живой. В Норильске очень хорошо видно, что на выставке это единственный город, точнее нет, не единственный. Неважно,

единственный или нет. Тут очень разные поколения. Очень разные люди по стилистике, по тому как они приходят на эти выставки.

А Тюмень и Томск, тоже посмотрите очень плохого качества фотографии, потому что это экспедиционные фотографии, непрофессиональные. Но можно увидеть, вот по данным исследований, и там, и там молодёжная аудитория. Я надеюсь видно, насколько разная эта аудитория. Понятно, что тут отличается одежда, потому что здесь лето, а здесь почти зима. На причёски, например, посмотрите.

Тюмень, единственный город, где современное искусство развивает власть. Как мы выяснили в ходе. То есть спонсируют. Всяческие содействия. Потому что рассматривает ее как ресурс. И, соответственно, сюда приходят студенты. Их привлекают. Я заканчиваю. Спасибо.

В Томске, это совершенно неформальная история. И мы бы этого никогда не узнали. Мы бы не проникли в эту аудиторию, и мы бы ничего конкретного местным специалистам и практикам не посоветовали бы. Это настоящие неформалы в Томске, и настоящие студенты, которым очень содержательно, совершенно разные вещи нужны в аудитории. Заканчиваю.

Вопросов много, каких. Что интерпретация, помимо того корпуса гипотез, которые появляются и которые позволяют нам делать уже во взаимодействии с практиками и в написании каких-то отчетов, какие-то выводы более уверенные и понятные, она не проработана. Потому что доказательность этой информации, она требует методического осмысления. Мне кажется, что такие экспедиции как раз-таки, учитывая нашу разнообразную Россию, будут развиваться. Ну, собственно, всё.

Модератор Петрова Лариса: Спасибо, Маша. Похлопаем. Спасибо большое, это была НЕМОСКВА про не Москву. Из Екатеринбурга НЕМОСКВА про разные города. У нас есть время по одному или два очень коротких вопросов и, соответственно, коротких ответов. Есть вопросы? Про книжку. Я просто сразу скажу, эта книжка, которую мы издали по результатам проекта, у меня был с собой один экземпляр, я Наталье Седовой его подарила, она называется «Что-то новое и необычное: Аудитория современного искусства в крупных городах России». Это книжка есть в РИНЦе, но ее, действительно, можно заказать на сайте бесплатно, вы оплачиваете только почтовую доставку, наложенный платёж. Этот сайт называется Артаудитория.ru. Всё латиницей. Книжка хорошая, нам она нравится. Мы авторы, а я ещё и научный редактор. Она, в том числе содержит результаты этого проекта, о котором говорила Маша. Спасибо.

У нас так должно было быть задумано, что следующий доклад, это следующий доклад про экспедицию, которую коллеги должны были сделать. Но, поскольку Олег Борисович, человек с сединами, его публикации нам известны ещё с советских времён, то, конечно, его просьба, о том, чтобы он выступил вторым и пошёл-таки на свою встречу, она не может не отозваться в моём сердце. Поэтому мы сейчас дадим слово Божкову Олегу Борисовичу. Я не знаю по какой теме он будет говорить.

Божков Олег: Назвал я это свое сообщение так – «Польза перекрестной информации в материалах глубоких интервью». Сейчас объясню, в чём дело. Значит, прежде всего, характер исследовательских проектов, на которых всё это строится. Это семь районов в четырёх субъектах федерации. Вот я здесь, на доске нарисовал эти семь районов, компактное расположение. Единичка, это Максакиевский район Тверской области, вот его граница. Двочка, это Лесной район той же Тверской области. Тройка это Пестовский район Новгородской области, самый восток. Четвёрка, это Устюженский район Вологодской области. Кадуйский район Вологодской, Бабаевский и седьмой район, это Бокситогорский район Ленинградской области. Связывает их всех бассейн реки Молога и это, действительно, такое компактное место.

В этих семи районах проводился сплошной опрос двух категорий людей. Это главы муниципальных образований не только районов, но и поселений. И руководителей сельхозпредприятий действующих. Те, которые зарегистрированы, официально оформлены. Не ЛПХ. Это люди, которые официально имеют документы, что он сельский производитель, предприниматель. Значит, в 2005, в 2008 годах было опрошено 175 человек. 100 глав муниципальных образований и 75 предпринимателей. В 2018-2019 году мы снова получили Грант и едем по тем же самым адресам.

В восемнадцатом году мы проехали уже, то есть провели интервью в Бокситогорском, Бабаевском, Устюженском и Кадуйском районах. Вот четыре из этих района. Если сначала отсюда, то сейчас мы поехали в обратном порядке по целому ряду причин. Стартовую информацию мы, естественно получали из прессы, включая интернет.

Начинали мы свою работу всегда с беседы с главами районов и руководителями сельхоз отделов этих районов, этих исполнительных органов. И повторю ещё раз, что это был сплошной опрос этих двух категорий. И вот, что интересно. Относительно заказчика, тоже немаловажно. Это был инициативный проект, который мы с моими коллегами придумали.

Собрал я студентов и первоначально мы ходили на байдарках по реке Молога. Потом мы от байдарок отказались. Но жили мы не в населенных пунктах. Мы жили где-то на полянках, в лесу, но недалеко. Такое решение было выбрано сознательно. Потому что я со студентами, и они, как известно, разгильдяи. И чтобы местные жители не наблюдали это разгильдяйство. А так мы приходили в деревню все по цивильному. Мы общались, приходили к нашим солидным людям, главам поселения или руководителю колхоза, СЛК или фермеру. Интересные люди. Студенты мои к ним приходили в цивильном во всём, серьёзные. И нас видели в работе. Конечно, мы ходили в деревни, и местные жители спрашивали моих мальчиков и девочек, где вы живёте. Ай, бедненькие, зайди ко мне, я тебя курочкой накормлю. Злой начальник у вас. Да, нет, не злой.

В общем, жили мы интенсивно, жили мы весело. И поскольку это студенты, у них была практика не только профессиональная, но и жизненная. Выбор компактной зоны обследования открыла возможность, с одной стороны, получить такую информацию, которую мы предварительно и планировали. Исследования были поддержаны РФФИ и, строго говоря, власть была здесь не причём.

Но, вот, что интересно. Я говорил о том, что привычную информацию мы получали от руководителей районов. И только один руководитель из семи глав районов попросил нас познакомить его с результатами наших исследований и сказал, ребята, если у вас будут какие-то проблемы, то сразу ко мне. Слава тебе Господи, нам не понадобились. Мы с ним тоже встречались, когда мы приходим в населённый пункт и несколько раз мы приезжаем в какую-нибудь, людьми и Богом забытую деревню, и там встречаемся с главой района, и он всегда нас спрашивал, есть ли какие-то проблемы и, если что-то нужно. Единственный. И как он просил, мы предоставили ему эти результаты. Познакомили его с нашими результатами.

На самом деле, мы о социальной инженерии. Самый главный социальный инженер у нас, их два всего. Это правительство. Но, в данном случае, мы сталкивались с Министерством сельского хозяйства и Госдумой, которая принимает законы, ломающие жизнь напрочь.

Пресловутый 131 закон о местном самоуправлении. Они укрупнили все населения и, если раньше в поселении было 7 или 8, или 10 населённых пунктов, входило в это поселение. И глава поселения имел возможность хотя бы раз в квартал добраться до самых дальних деревень, то теперь у них по 30, по 40 населённых пунктов. Транспорта как не было, так и нет. Денег как не было, так и нет. И эти самые бабушки, и дедушки из отдаленных деревень, они вообще брошены. И эти дальние деревни, они умирают. Мы об этом писали, мы об этом говорили. Но социальный инженер, он знает свое дело. Вероятно, он такие цели и ставил. И вот те проблемы, которые стоят перед сельскими предпринимателями, которые стоят перед главами муниципальных этих образований, они только усугубляются. И власти об этом хорошо знают. И сами эти главы районов говорили везде у наших муниципалов, у них почти все функции отобрали. Раньше они хоть в ЗАГС ходили сами. Теперь нет. Если бабушка умерла, нужно родственникам или главе администрации ехать в район, ехать в центр и там всё это дело оформлять. Так что с социальной инженерией у нас полный порядок. И самое удивительное, что Госдума и правительство наши с вами результаты очень понимают. Но очень мало. У меня был опыт взаимодействия с Госдумой. У меня заказывали исследование. Это отдельная песня и совсем другая. Спасибо за внимание.

Модератор Петрова Лариса: Олег Борисович, спасибо.

Божков Олег: Я на все вопросы ответил?

Модератор Петрова Лариса: Вы ответили на все вопросы. Ответ грустный очень. Мы теперь знаем, кто такие социальные инженеры. Мы думали, что мы как-то в этом участвуем, оказалось, что нет. Я привела в аннотации к секции собственное видение того, что такое социальная инженерия. Это социальное знание, которое стало источником управленческого решения. То есть не обязательно социологическое знание. Мы мечтаем о социологическом, но у них, у тех, о ком вы говорите, как о социальных инженерах, тоже есть некое знание. Более того, можно говорить, что социальная инженерия, это некие потребности, которые становятся источником управленческого решения, видимо как-то так.

Спасибо большое, Олег Борисович. Скажите, есть вопросы. Я безмерно рада тому, что у нас второй доклад подряд и второй докладчик подряд, это привязка к региональным данным, которые получены во время полевой экспедиции. Мне кажется, что это очень важно. На самом деле, действительно, как Маша сказала, мы можем изнутри этот локальный контекст понять только не из Москвы, а вот прямо из этого места. Олег Борисович, большое вам спасибо. Давайте.

Божков Олег: Конечно же, респонденты, вечная проблема в интервью, в анкетировании, врёт респондент или не врёт. Они не врут. Но кое, что они скрывают. Но поскольку они все друг друга знают, по стольку, поскольку все эти районы компактно расположены и связи там и исторические. Например, в Лесном районе я, например, обратился в область, и мне нужно было данные какие-то уточнить, архивные. Они говорят, это не наши. Это Новгородская область. Вы что, ребята? Я говорю, что, зуб даю, что это не Новгородская область, а Тверская. Мы проверим. Мне перезвонили. Ой, извините. Они не знают сами того, кто у них под властью ходит. Так что вот этот район, он гулял, то туда, то сюда. Да, точно также как Каргопольский гулял в Архангельскую, в Вологодскую, в Карелию. Они связаны не только по тому, что переходили из рук в руки, они связаны по жизни, по человечески. И когда я приехал из Бабаевского района в Устюженский район, и в разговоре упомянул одного фермера, а мне мой респондент говорит, это не Серёжа Юшкевич? Я говорю, Серёжа. Он говорит, это мой кореш. И вообще, мы с ним тесно работаем. А расстояние будь здоров вообще. Тогда тоже какой-то вопрос возник, а вот с землей проблема, у нас здесь землю в аренду не взять. Я говорю, а как же ты выкрутился. Я в Лесном районе арендовал.

Модератор Петрова Лариса: Спасибо большое. Коллеги, я с удовольствием передаю слово следующим докладчикам. Их двое. Переписывалась я с Максимом Маркиным, но сейчас я буду иметь счастье услышать и Евгению Надеждину.

Это другая совершенно история. Это про то, как Москвичи едут в город-герой Саранск, который попал в пул городов, где чемпионат мира по футболу проходил. Максим, вы посмотрели сайт по мере дискуссии, который я вам ссылку дала? Неважно посмотрели или нет. Ну, и в Екатеринбурге, я работала в академии современного искусства, это ВУЗ государственный, но он муниципальный. То есть у нас учредитель, это администрация города, даже управление культуры.

Нам было очень важно понять, в том числе, потому что я лично живу напротив в Екатеринбург Арена, где проходили матчи Чемпионата мира по футболу, и три предыдущих мундиалей по футболу я прожила как на вулкане. Вы понимаете, да, все круги ада. Сейчас правда получше, но тогда это был ужас. И очень важные объекты политические, и экономические, и так далее, мы хотели понять, какой у него потенциал развития в сфере культуры. Провели такую панельную дискуссию. Комплектация мега событий для мегаполиса. То есть я хочу сказать, что и ВЦИОМ, конечно, и вот я вижу, Высшая школа экономики и ещё много копий билось насчёт того, а что происходит в этих городах. По моему, очень важный вопрос о том, как эти данные, действительно, могли бы быть

использованы. Я с удовольствием предоставляю слово Максиму, а потом, наверное, Надежде. Пожалуйста.

Маркин Максим: Добрый вечер, уважаемые коллеги. Меня зовут Максим. Моя коллега Евгения Надеждина и мы хотим поделиться с вами результатами своей экспедиции в город Саранск, посвящённый как раз чемпионату мира по футболу. Если всё-таки отсылать к программе и поставленным вопросам, коллеги кто-то отвечал на все три, кто-то больше на первый. Мы, наверное, больше на 2 и 3.

Причём на третий вопрос достаточно однозначный ответ. Наверное, Евгения меня поддержит. У нас однозначный ответ, надо идти в поле. Потому что, если мы сидим в кабинетах, это всё прекрасно, но, если мы что-то видим своими глазами, то это, конечно, намного информативнее и для нас это более-менее, однозначный ответ.

Второй вопрос более сложный и, наверное, он не имеет однозначного ответа. Скорее повод нам всем задуматься, а что мы можем сказать полезного. Кроме того, что нам это интересно, мы потом можем со студентами делиться. Писать академические работы, которые в скобках читаем только мы сами.

А что можем сказать полезного нашему объекту? Вот мы попробуем что-то сказать и наш доклад будет в основном содержательный, нежели методологический, но попытаемся выйти на этот вопрос именно через содержание, а что мы можем сказать полезное? Мы решили поделить так, что я делаю эту презентацию, а в обсуждении мы будем уже коллективно, чтобы не устраивать вот такой.

Первый сюжет. Почему Саранск? И чем Саранск примечателен с точки зрения объекта исследования? Но здесь, мне кажется, все просто. Спортивные мегасобытия, как правило проходят в мегаполисах. И если мы даже возьмем города организаторы чемпионата мира в России – это все либо мегаполисы в классическом смысле, либо Сочи, но там была олимпиада и мы тоже мы все понимаем. Саранск явно выделяется. И это региональный центр, это не очень крупный город и тем самым он интересен. В контексте изучения мегасобытий он достаточно уникален.

Второй сюжет связан с экспедициями. Я не буду говорить за все экспедиции. Мы видели тут уже города примеры, но все-таки большинство таких классических экспедиций проходит в малых городах. Ну просто потому что изучить вот это локальное сообщество, погрузиться в объект там намного проще. Здесь все-таки Саранск не мегаполис. Но простите, малым городом, как я не знаю, Мышкин или там назвать нельзя. Поэтому он находится на таком пересечении – это действительно интересно и интересно даже было в простом контексте, нам это говорили местные жители, забегая вперед, что мы справимся. То есть но Москва справится, все понятно, а мы? Не подведем? И поэтому действительно очень интересно. Как проходят мегасобытия в больших городах мы более-менее знаем. Как мегасобытия проходят в небольшом региональном центре – это наверно очень и очень хороший вопрос.

Что мы делали? К сожалению бюджеты, в том числе бюджет Высшей школы экономики не позволит вам поехать во время проведения самих матчей в Саранск в виду того, что мы все знаем, сколько стоили отели и прочее в это время. Но нам получилось приехать туда буквально там через несколько дней после того, как последний матч прошел в Саранске и это тоже достаточно хорошее время, потому что чемпионат мира еще шел. Если вы помните, в Саранске был только групповой этап, поэтому чемпионат мира продолжался. Но в этом городе уже нет. Поэтому у многих застали вот это чувство, еще работала фан-зона, где транслировали матчи. Поэтому время было более-менее удачное. Что мы делали? Мы пытались брать интервью, прежде всего использовать этот метод. Мы общались в горожанами, как полноценные такие углубленные интервью под диктофон, так и небольшие такие форментарные разговоры на улицах, понятно, со всеми методологическими ограничениями. А так же мы общались с предпринимателями и с администрацией города. Ну, естественно, там уже исключительно полноценное углубленное интервью. Что мы получили и о чем мы можем поделиться? Чем мы можем поделиться? Ну, да, наш состав был – это преподаватели и студенты. То есть вот мы с Евгенией ездили в качестве преподавателей и с нами были еще 8 студентов, которых мы таким образом интегрировали в исследовательскую, в полевую работу. Но это отдельная тема для обсуждения, как экспедиция, как формат образовательной деятельности.

Структура. Мы заимствовали классическую схему анализа мегасобытий, вот эти три этапа: подготовка, проведение, наследие. Мне кажется, Рустам Махмутович Нуриев очень удачно анализировал проведение олимпиады и прочее. И мы, собственно, взяли ту же самую схему и по этой же логике с вашего позволения я и познакомлю вас полученными результатами.

Ну, подготовка. Первое, что мы видим и для этого не нужно проводить никакие исследования, на здравом смысле понятно, мы видим явные новостройки. Ну, то есть стадион построили, там «Мордовия Арена» в данном случае. Открываются новые гостиницы в Саранске – это были пятерка и четырехзвездочная гостиница. Строится новый микрорайон, естественно, под нужды исходно чемпионата, болельщиков и прочее. Потом, это квартиры, которые будут распродаваться. Это все более-менее очевидно. Чуть менее очевидно, но по прежнему люди понимают о чем идет речь – это модернизация аэропорта, ЖД вокзала, то есть такой транспортной инфраструктуры. Строятся новые развязки. И вот начиная с этого момента у нас появляются достаточно интересные результаты. То есть все отлично, причем, настолько приторно отлично, что появляются интересные расхождения. Когда мы беседовали с представителями администрации, они рассказывали, как здорово федеральный центр включился в эти программы и как мол давалось софинансирование федерального центра там в половину, приобретать новые троллейбусы, строить там дороги, что это только за счет федерального центра и так далее.

Интересен был разговор в данном случае с людьми, которые искренне говорили, что это никак не связано с чемпионатом мира. Ну, то есть там пытались обсуждать, например, дороги, а они рассказывали: ну, вот это давно напрашивалось, эти два микрорайона нужно было соединить между центром. Нет, ну какой тут чемпионат? Это давний проект, вот его там доделали. Прекрасный был сюжет, когда ездили автобусы с эмблемой чемпионата и мы так

общались с местными жителями, так, на остановке задавая вопросы: «Вот это новые у вас автобусы»? Говорят: «Нет, у нас вообще хорошие автобусы. Ну наклейку наляпали чемпионат мира, а это все новые автобусы. В смысле новые автобусы, но это наши автобусы. У нас просто очень хорошие автобусы». И это действительно очень интересно, потому что нет времени вдаваться в подробности. Администрация рассказывала, что вся эта подготовка, она не одномоментна и я не говорю сейчас про строительство там объектов или дорог, но и автобусы – это не колонна автобусов въезжает в город пафосно первого числа. Это на протяжении нескольких лет происходит постепенная замена. Что интересно, да, население вообще не связывает никак с чемпионатом, считая, что это обычные процессы, что все очень здорово. И когда ты беседуешь с представителем администрации, в конечном итоге уже все становится настолько, настолько начинаешь радоваться за город, когда они рассказывают, что под шумок к чемпионату построена электростанция, которая будет питать не только стадион, но извините, аэропорт и новый микрорайон. А еще, в смысле, микрорайон. Построено только 40% его. То есть потенциально – это еще 60% и так далее.

А еще, когда мы получили этот статус, мы спросили федеральный центр: «Что будем делать с канализацией»? Они сказали: «А причем здесь это»? Но когда объяснили, что может прорвать, а может нет, было принято решение заменить всю канализацию, потому что в неудачный момент прорвет - имиджевые потери будут очень высокие. И действительно, это такая вишенка на торте. И если ограничиваться этим, то складывается впечатление, что это просто настолько все круто, настолько все хорошо и город настолько должен радоваться этому мероприятию. Но как всегда в бочке меда есть бочка дегтя. Если как нормальные стоки должны делать, там должны копать чуть глубже. Когда нам кажется, что картинка очень классная – это означает, что нам кажется. То есть мы не ошибаемся, нам кажется.

Дальше мы переходим к важным аспектам, которые заставляют задуматься и это то, что может быть полезно, как раз, в том числе, администрации города, те вопросы по поводу которых стоит задуматься. Ну, во-первых, пришел чемпионат и тоже вроде бы все очень хорошо, все проходит, бизнес зарабатывает на этом чемпионате. Он зарабатывает на всплеске. Что значит на всплеске спроса? Это означает, что бизнес изначально принял решение не делать долгосрочные инвестиции. По крайней мере малый бизнес, тот кто принимает решение в сильной степени сам, а не сверху. Потому что они понимают, что все пройдет, а что с этим делать? То есть маленькие кафе, понятно, мобилизовали в дни матчей всех своих сотрудников, поставили дополнительные столы на улицу и так далее, но новые кафе те же владельцы открывать не стали.

И здесь есть некое недопонимание со стороны администрации и бизнеса. Когда мы беседовали с представителем администрации, нам рассказывали, что есть зона гостеприимства. Мы выделили 50 точек, где мог бизнес работать. И в итоге, когда задали вопрос: «А как вы распределяли места»? Они сказали: «Ну, заняли 46 точек. Поэтому в принципе, все, кто хотел, тот занял». А что это означает? Никто вкладываться в это не стал. Вот местный бизнес сколько мог занять, он занял, но не более того. Те предприятия, те магазины, те точки, которые работали, например, со скоропортящейся продукцией, особо не радовались, потому что все эти перекрытия в центре и так далее, не позволили им зарабатывать и делать деньги. Например, молочные автоматы, да, из которых можно свежее

молоко. Администрация в этом смысле где-то немножко со своей стороны, они действительно проделали колоссальную работу, заранее предупреждая бизнес и так далее, но не все объекты могли подготовиться чисто физически. Или там продавцы кваса, да. Очень всплеск спроса, очень сложно предсказать. Квас подвозят по ходу дня в зависимости от того, сколько его выпили, но подвозить можно только в небольшое количество часов ночи, а в остальное время город оцеплен.

И здесь все это прошло, прошло с переменным успехом. Вот здесь мы уже чувствуем достоинства и недостатки. И чем все заканчивается? Все заканчивается наследием. И здесь становится ключевой вопрос: что с этим делать? Он стоит перед всеми городами. Но здесь, опять же, есть свои особенности. Обновленная городская инфраструктура. Все прекрасно, что будем делать с этими объектами? Всерьез обсуждается вопрос, чтобы помещения стадиона «Мордовия Арена» превратились в торговые зоны, потому что такой большой стадион. Хотя вроде пытаются продолжать играть в футбол, генерить и так далее, но это слишком большой стадион для такого города.

Ну, ладно, стадионы везде пустуют, все понятно, но мы же получили бренд Саранск. Город Саранск узнали в России, его узнали за рубежом – это все здорово, но что с этим делать? Готовы ли люди ехать, иностранцы в Саранск? Будет ли Саранск центром туризма? Хороший вопрос. Причем, сами люди, я имею в виду здесь прежде всего бизнес, смотрят на это очень скептически. Уже сейчас есть поток туристов из соседних там Ульяновска, из Чебоксар и так далее. Максимум, что говорит бизнес – Москва. Москва может поехать – это заинтересует. Москва узнала, что есть Саранск, еще вот кроме Питера, еще что-то существует. Можно съездить. Приедут ли иностранцы – большой-большой вопрос.

И последнее – ужесточение конкурентной ситуации. Я сказал, что местный, локальный бизнес могли не вкладываться, а международные гостиничные сети пришли. И гостиница не свернется, хотя в скобках, «Одна из гостиниц, вроде как сворачивается. Там будет что-то типа офисного торгового помещения. Но все не свернутся. А это гостиница более высокого уровня. Что это означает? Они будут ориентировать расчет на командировочных. Бог с ними, они-то будут и претендовать. А что будут делать трехзвездочные местные гостиницы местных владельцев? Это их ниша. Командировочные – это ниша трех звезд. А если пятерка и четверка будет ставить эти цены, где будут жить командировочные? И здесь местный бизнес очень весьма напрягается.

А крупные федеральные, иностранные все эти супермаркеты, они что, их закроют? Нет. И что делать? И это действительно очень и очень большой вопрос. И тогда, чтобы была бочка меда такая - такой же бочонок дегтя. А все-таки, в чем может быть позитив? И главное, в чем бизнес сам видит возможное решение этого вопроса? Какие перспективы? Бизнес говорит: все очень просто. Мы ждем поддержку от власти. Мы не верим, что поедет турист, как в крупные старые города с богатой историей, с большим количеством достопримечательностей. Мы ждем от руководства Мордовии продолжение той политики, которую оно реализует в последние годы, регулярно и систематически – постоянное проведение крупных спортивных мероприятий. Только теперь не просто крупных, крупные в Мордовии проходили постоянно, а крупных в смысле массовых. Это должен быть

искусственный способ генерации потребительского трафика. Людей нужно стимулировать сюда приезжать. И действительно – это то, что власть должна понимать и то, что без чего, видимо, локальному бизнесу будет очень и очень сложно. Спасибо за внимание.

Модератор Петрова Лариса: Спасибо большое. Спасибо. Спасибо большое. Это, мне кажется, очень интересно, здесь много разных вопросов поставлено, но я можно сама задам вопрос? А кого вы познакомили с этими результатами там? То есть когда выбрали интервью, я слышала, вы уже как-то конкретизировали, там были указаны чиновники и так далее. А кто в Саранске еще узнал об этих работах?

Маркин Максим: Вы имеете – это результаты конкретные?

Модератор Петрова Лариса: Да, да, да.

Маркин Максим: Непосредственно, вот такую презентацию или что-то, мы не делали. Мы планируем сейчас, то есть у нас сейчас идет активный процесс собственно подготовки этих документов. Мы договорились, что мы отправим и администрация от нас ждет. И мы надеемся, у нас есть там контакты с журналистами и прочее, мы попытаемся с ними познакомиться. По крайней мере, когда мы приехали и заявляли, интерес проявили и телевидение, и администрация, и прочее. Мы постараемся им дать вот такой фитбэк.

Модератор Петрова Лариса: Все понятно. По-моему, это важно. Еще есть вопросы? Если нет, а на них должна была Надежда ответить, да, то тогда отдыхайте пожалуйста. Максим Евгеньевич, большое вам спасибо. Садитесь пожалуйста, раз вопросов нет. Вы знаете, к вечеру уже вообще интеллект, так сказать, я бы сказала, затухает. Но, но к вопросу наоборот о счастливых моментах – я безмерно рада тому, что такой город, как Саранск в котором, я так понимаю, 200 с небольшим тысяч человек.

Маркин Максим: 300.

Модератор Петрова Лариса: 300 с небольшим тысяч человек, небольшой, уж точно не Москва. У нас сегодня на этой секции ставят дважды. И я передаю слово Сергею Григорьевичу Ушкину, который живет и работает в Саранске и теперь расскажет об этом городе, видимо, немножко в другой перспективе. Спасибо вам за то, что вы откликнулись. Я специально хочу обратить ваше внимание, что вот в названии Сергей Григорьевич прям так и написал, мол, ага не Москва, я про это знаю, да, точно. Пожалуйста, вот вам микрофон. Действуйте.

Ушкин Сергей: Добрый день уважаемые коллеги. Я как раз-таки, как уже было сказано, из Саранска и тоже, кстати, жил на пороховой бочке этого чемпионата. То есть буквально в полкилометра от меня стоял стадион, который моя дочь недавно, маленькая, назвала «большая куча», едя в машине. Вот. Но, собственно, я представляю Научный центр социально-экономического мониторинга – это государственное, казенное учреждение. То есть мы очень сильно завязаны на власти, очень сильно завязаны на предоставлении им каких-то не просто даже данных, но и консалтинговых немного решений.

Ну, что касается, раз уже заговорили про чемпионат, заговорили про все, что было связано с Саранском, мы в свое время, как раз таки, проводили исследование среди населения о том, как назвать стадион. И собственно в том числе и по результатам наших

данных название «Мордовия Арена» закрепилось за этим стадионом. Но сейчас, так скажем, о других исследованиях, хотел откровенно, которым занимается Саранск. Я могу предложить вам, может быть, даже кооперацию, если будет интересно. Потому что у нас были исследования по качеству жизни, в рамках которого мы смотрели у людей, что они ожидают от чемпионата на входе, да, то есть это было исследование, по-моему 2012 года, если я не ошибаюсь. И вот буквально недавно мы на выходе получили, что какие же изменения там случились у нас в республике в целом в связи с чемпионатом? Какие дивиденды они по большому счету получили. И все, в принципе, результаты наших исследований, они постепенно тоже опубликуются.

Так вот, что проводили, о чем я сегодня хочу рассказать, какой кейс представить - это наше самое большое, самое значимое исследование, которое посвящено оценке органов местного самоуправления. Ну, уникальность наверно состоит в том, что мы, один из первых регионов взялись за такие крупномасштабные исследования и ежегодно с 2009 года мы опрашиваем чуть больше восьми тысяч человек. Это гигантская выборка и тем более, что работаем мы не удаленно, не дистанционно, мы едем к людям, соответственно, опрашиваем. В каждом районе получается таким образом мы 22 плюс муниципальные районы, плюс город Саранск, мы опрашиваем порядка 350 человек. При населении Республики Мордовии 795 тысяч – это достаточно весомое количество, тем более, что некоторые районы до такой степени не наполнены, что в некоторых деревнях мы по большому счету устраиваем сплошное исследование. И как раз-таки, я продолжаю эту линейку, которая была здесь задана о том, что исследователь идет в поле, аналитик идет в поле и мы, как аналитики по большому счету работаем с населением. То есть у нас нет никаких субподрядов, нет ничего и вот с 2009 года мы каждый год общаемся с людьми. Каждый год мы пытаемся у них что-то спросить, они пытаются от нас тоже получить какую-то обратную связь. Конечно, не всегда все состыкуется, но тем не менее мы стараемся что-то делать.

Ну, проблематику обуславливает и то, что, опять же, на всей конференции свозила тема, что люди разные. Все мы люди разные и Республика Мордовия не исключение, тем более, что это республика, это более этнический регион, где проживают разные национальности, где проживает, опять же таки, люди сельские, люди городские и все это очень сильно накладывается. И когда мы, предположим, говорим о результатах наших исследований, да, мы не говорим, что мы в целом по Республике Мордовии получаем мнение. Мы получаем мнение в целом по муниципальным районам – это немножко разные вещи. Почему? Потому что если в целом по республике, то городское население несколько превалирует. Если же мы по муниципальным районам, то количество сельского населения возрастает. Те, кто с результатами связаны, те соответственно, поймут почему. Нет, так скажем, только прямо.

Что касается, что мы изучаем? Мы изучаем каждый год – это деятельность, достаточно стандартный набор показателей, да, удовлетворенность деятельности в органах местного самоуправления и такие, ну так скажем, субиндикаторы, да – это организация транспортного обслуживания, качество автомобильных дорог, снабжение ну и так далее. То есть анкета, в принципе, небольшая. По каждому замеряем удовлетворенность и проблемы. То есть но

всегда даем возможность людям высказаться. И высказаться, соответственно, в открытых вопросах, да, и получаем очень разнообразный пул ответов. Почему разнообразные? Опять же так повторяюсь, потому что 350 человек в каждом районе соответственно, 8 тысяч с небольшим по республике и там каждый десятый, каждый пятнадцатый, он тем не менее, какое-то свое мнение высказывает.

И по большому счету общаясь с людьми мы начинаем узнавать об их локальных проблемах. То есть нет уличного освещения – это большая проблема, особенно для сельских территорий, да, где наступает ночь и в принципе, заканчивается все, потому что на улицу выйти нельзя, только с фонарем. Где-то напор воды, особенно в летнее время для полива, что значимо, да, он прекращается. И люди об этом сигнализируют. Мы в свою очередь сигнализируем об этом нашим региональным властям. Ну, проблем очень-очень много и мы их просто, опять же, рефлекслируем со слов респондентов.

Мы еще в процессе наших исследований как раз-таки погружаемся. В чем состоит наше погружение? Не просто заполняем анкеты, но и пытаемся анализировать, тем более, что в отчете, который мы потом готовим на стол главе республики, мы указываем на определенный спад, почему они происходят, да. При этом анализируем мы несколько, так скажем, документов, которые потом в процессе исследования в общем заполняются. Это отчеты по работе глав районов, это первые виды из которого можно получить какие-то данные, выяснить почему же так, а не иначе. Предположим, по дорогам в одном из районов был очень сильный спад, нужно было объяснить, почему это случилось. Ну, оказалось, что там просто снег сошел, да, по весне и очень много асфальта вместе с этим снегом сошло. Или же, например, по транспорту, когда из отчета, да, что закрылось просто единственное транспортное предприятие, которое обеспечивало связь между районом республики и Саранском. И соответственно, это тоже потянуло за собой многие оценки.

И второй источник данных помимо соответственно, это уже третий, да. Это отчет о наблюдении, который мы готовим каждый раз и как раз третий отчет, он и на основе общения с жителями, и на основе общения с представителями администрации, и в общем-то на основе каких-то связей, потому что не буду скрывать, что, например, я, так скажем, родом из Темников, да, из одного из старейших городов Республики Мордовия и собственно, очень часто туда командуюсь, потому что, ну, более-менее знаю в том числе и ментальность этих людей, темниковцев, да. Темников сейчас, кстати говоря, это тоже, немножко отвлекаюсь может быть от темы, это тоже такой малый город из которого стараются сделать некую туристическую «Мекку», да, может быть. Но во всяком случае спят и видят о том, что это случится когда-то. И вот в связи с исследованиями, предположим, по Темникову мы наблюдаем небольшой спад позитивных мнений об органах местного самоуправления. И там сначала сменился глава, было непонятно отношение. Потом просто-напросто снизлась удовлетворенность. И вот именно в результате наблюдений, которые мы проводили по Темникову, выяснилось почему она все-таки изменилась. Лично глава, он взял курс на, как я уже сказал, на туризм. Но за время чемпионата приехал только один человек.

Далее. Недавно Темников выиграл грант на развитие территории. Вроде бы новость позитивная, вроде бы люди должны радоваться. Но нет, мы улавливаем какой-то

скептицизм, непонятно, почему. Но это уже по результатам не вот этого тоже исследования, а ряда других, где тоже мы внедряем активно наблюдение, да. Почему скептицизм? Потому что облагораживание, так скажем, территории, оно было сопряжено с вырубкой ряда деревьев, да, особенно рядом с администрацией. Администрация была расположена на горе и когда вырубались эти деревья, администрацию начали звать просто Лысая гора. Это, так скажем, поголовно. Но, в общем, для людей это оказалось неким таким негативным фактором в общем-то. Что потом из этого выйдет, из этой затеи с облагораживанием, непонятно, но будем надеяться, но я во всяком случае буду надеяться, что там все будет хорошо.

Теперь, что на протяжении вот этих девяти, более девяти – тут больше уже с 2009-го, соответственно, десяти лет, происходит. Какой собственно порядок социального обследования и как мы выходим собственно в социальную инженерию, что как раз-таки основная тема конференции. То есть мы проводим мониторинг, который как я уже сказал, базируется на опросе населения, наблюдении и анализе документов, в частности документов, которые, как я уже сказал, отчеты глав. Далее происходит процесс рейтингования районов и это рейтингование, оно строится на нескольких вещах – это результатов нашего доклада, которые мы даем, как раз-таки на стол главе, да, и анализа социально-экономического развития, которые готовятся каждый год, соответственно, в Министерстве экономики. Затем в администрации это все сводится в один единый документ и происходит поощрение. Понятно, что поощрение здесь носит, может быть, не совсем верный характер, а может быть и нет, я сам для себя не определился. Почему? Потому что, опять же таки, поощряются самые хорошие районы, да, и соответственно не поощряются те районы, которые не вытягивают. То есть богатые богатеют, а бедные беднеют, что-то из этой оперы. Тем не менее вот все эти исследования, они, соответственно, строятся на основании закона, который собственно действуют, указа главы, точнее, да, который действует на территории Республики Мордовия, он 2013-го года, но что-то подобное было и раньше. И собственно, этот закон, он четко прописывает выделение за счет бюджетных грантов для развития территории. Как я уже сказал, частично – это социально-экономический анализ задействован и частично соответственно результаты наших исследований. Более того, когда, предположим, происходит прогнозирование развития территории, там социально-экономического, да, то есть за нашим докладом приезжают все главы, не главы, а заместители. Ну, в общем, с каждого района приезжают люди, которые забирают у нас и данные, и прогноз, который мы строим на основе этих данных, для того, чтобы каким-то образом влиять на свою местную политику. Вот.

И соответственно, как я уже сказал, наш доклад уходит на стол главы республики, во-первых, который как раз таки видит, что есть определенные проблемы в том числе и локальные, о которых я рассказал, то есть вплоть доводится, просматривается, что нужно сделать и как людям хотелось бы. Главное, чтобы власть не ступила в этих условиях. И эти доклады, также, они рассылаются и представителям органов местного самоуправления для ознакомления. Где-то вопрос решается вот прям скажем, где-то все равно стопорятся. И в этом сложность, кстати говоря, дополнительная нам, потому что когда мы приезжаем на следующий год, как я уже сказал, у нас люди спрашивают: «А зачем нам заполнять ваши

анкеты, если ничего не меняется»? То есть такие случаи тоже есть и, так скажем, наша задача теперь, видимо, заключается в том, чтобы подстегивать власть к изменениям в том числе, да. Как это делать? Ну, надо думать наверно.

Так вот, почему же все-таки важен муниципальный срез, подытожим. Выявляется некая глубина проблемы, то есть те самые локальные, которые очень тяжело вытаскиваются в ряд, ну, так скажем, если не комбинировать методы, да. Вот кстати говоря, на прошлой Грушинской я не презентовал, я просто заявил тезисы и в рамках этих тезисов как раз таки анализировал результаты нашей работы по этому большому исследованию и провел небольшое инициативное на поиск разных проблем в социальных сетях. В группе, как раз таки, Темниковского района, да, уже упомянутого. И оказалось, что людей очень часто волнуют в том числе и другие проблемы, а именно, так скажем, но простой пример, да, мы никак не могли вытянуть. В результате наших опросов, даже несмотря на открытые вопросы, даже несмотря на наблюдения, оказалось то, что по Тельникову ходят коровы и это волнует местных жителей. Раньше это, может быть не волновало, но когда коровы заходят на центральную площадь города рядом с памятником Ленина они там тусуются – это не совсем хорошо. И как-то эту проблему надо решать. Ну, соответственно, как-то властям надо реагировать.

Далее. Повышается эффективность работы чиновников, которые способны точно реагировать на возникающие проблемы. И, в принципе, это происходит небольшой нарост развития отдельных территорий, поскольку люди в некоторых, в частности чиновники в некоторых случаях становятся все-таки ориентированы на население, где-то лампочку вкрутят, где-то дороги чем-то засыпят. То есть в принципе, маленькие, но результаты нашей работы есть и маленький, но социальный инжиниринг мы все-таки не то, чтобы производим, но мы к этому чиновников подталкиваем. Вот на этом у меня наверно все. Спасибо за внимание.

Модератор Петрова Лариса: Спасибо большое Сергей. Мы увидели, тут нужен микрофон, чтобы все записывалось. Мы увидели вообще Саранск и Мордовия в целом, совершенно с другой точки зрения, правда. Это более широкий, конечно, контекст. Мне кажется, что мы все можем завидовать Сергею Ушкину, который занимается наверняка своей любимой работой, профессией, да, он занимается социологией и делает это максимально приближенно к тому, чтобы принимать на этой основе решение. Но, конечно, эта грустная фраза: зачем нам заполнять анкеты, если ничего не меняется, она наверно описывает, да, все. Вот я позволю себе первой задать вопрос: Сергей, а у вас не было желания взять интервью экспертное или ну, может быть методологическое провести у этих глав муниципалитетов, которые берут у вас данные? Что они думают, они? То есть они-то им в результате нужны или нет? Вы стараетесь, а они что?

Ушкин Сергей: Ну, сейчас тема вообще работы с органами местного самоуправления начинает потихоньку раскручиваться и лично у меня были инициативные грантовые, да, идеи. То есть как раз таки я подал недавно заявку, но опять же, таки – это исключительно инициативные вещи. Как они работают, в принципе, с населением – используют цифровые каналы, да. У администрации нашего региона была так же задумка включать в наш

тематический план опрос в общем-то государственных и муниципальных служащих об их культуре. Но в этом году не зашла идея. Может быть на следующий год это будет перспективно доработано. То есть пока этого нет, но в планах каких-то это все-таки есть.

Модератор Петрова Лариса: Хорошо. Спасибо вам. У нас есть надежда. И мы тут можем же объединяться. Вдруг, вот сейчас возникнет интерес. Если, например, два региона по этому поводу, да, задействовать в исследовании, то уже усиливает, да, такое качество данных и так далее. Еще есть вопросы? Знаете, что, нужно микрофон, я попрошу. Давайте.

Реплика из зала: Да я наверно и так бы голосом.

Модератор Петрова Лариса: Прямо в камеру тогда говорите.

Реплика из зала: Я наверно не в камеру, но...

Реплика из зала: Соответственно, проблема, наверное, точно такая же. Курск, в Центре регионального развития Мы занимаемся практически теми же самыми проблемами. Тут очень интересная проблема. Всё, что регламентируется, оно регламентируется в каждом документе: 601-ым, 607-ым, сейчас вышел новый 648-ой Закон. Там будут совершенно другие показатели регламентироваться, то есть методики разрабатываются с 2017 года. Тут возникает очень интересный вопрос: Можно ли дублировать полевые исследования и какие-либо ещё исследования? Мы получили вообще противоположный результат. Мы на свой сайт, соцпортал46.рф, на официальный социологический портал Курской области повесили опрос. Проголосовали в первый год знаете сколько человек? 42 тысячи. Представьте себе, на область 1 млн. 170 тысяч проголосовало 42 тысячи. На следующий год проголосовало 53 тысячи. И постоянно идёт увеличение количества голосовавших. Причём, это увеличивается не на уровне 10-20 человек, а в 1,5-2 раза может увеличиваться.

Модератор Петрова Лариса: Ваш вопрос?

Реплика из зала: Вопрос заключается в том, что полученные данные на этом портале, они противоречат всем тем данным, которые есть в полевом исследовании. То есть мы получаем уровень удовлетворённости органов власти не менее 80%-90%. Голосуют муниципалы за муниципалов. То есть вопрос: существует ли какая-то ещё альтернатива, кроме как полевой опрос?

Модератор Петрова Лариса: Я думаю, что это вопрос выборки, как в любом определяющим является, кто судьи. Да?

Ушкин Сергей: Да. Совершенно согласен с тем, что это вопрос выборки, потому что нам очень много поступало претензий, это года 3 назад, наверное, когда муниципалы тоже провели опрос, но мы поскольку – республика маленькая, населения в некоторых районах не превышает 4 тысяч, в принципе, мы знали, откуда появились столь высокие цифры. Просто были инсайты такие, что муниципалы брали, загоняли в школы, сажали в кабинеты, они голосовали на портале, и у них вырисовывалась абсолютнейше замечательная картина. Мы, к счастью, сумели отстоять нашу позицию, мы сумели отстоять наши выборы, которые мы строим, и, к счастью, результаты именно наших исследований, они идут в основу принятия управленческих решений. Что касается альтернативных методов, я уже, в принципе, их перечислил. То есть мы стараемся максимально погрузиться в поле, с учётом

наблюдений наших, в кабинете мы постараемся тоже максимально в кабинетную работу войти в анализ документов. И вот ещё одна технология, которая пока инициативный характер носит – это анализ групп в соцсетях. Сейчас у каждого города практически есть группа, у каждого района: может быть, это, условно, «Подслушано Саранск» или что-то там ещё. Так скажем, даже органы власти, те люди, которые нас курируют, они говорят: «Ребята, попробуйте найти что-то новое». Вот мы им что-то новое иногда и предоставляем.

Модератор Петрова Лариса: Ясно. Большое спасибо.

Реплика из зала: Спасибо за Ваш доклад. Я хотела просто уточнить. Вы говорили у вас заявлен один из методов, вы сейчас его снова упомянули – анализ документов. Вы, в первую очередь, говорили, что это анализ действительно отчётных документов социологами. С какими исследовательскими вопросами вы подходите к каким документам?

Модератор Петрова Лариса: Хотелось бы очень кратко попросить Вас ответить, потому что это лекция, тема лекции.

Ушкин Сергей: Мы пытаемся, в первую очередь, когда анализируем документ, понять, почему в районе происходит спад или рост тех или иных показателей. Соответственно, по ключевым словам, практически, мы осуществляем поиск. Если спад удовлетворённости электроэнергией, мы смотрим электроэнергию, если дороги, то смотрим состояние дорог, соответственно, как это состояние описывает глава. То есть вот такой вот анализ. Он, может быть, немножко не формализован, может быть, немножко бессистемный, но, тем не менее, результат мы пытаемся описать.

Реплика из зала: То есть вы используете документ как транслятор позиции власти, да?

Ушкин Сергей: Да.

Модератор Петрова Лариса: То есть это такой анализ: вот это официальное представление, объяснение, а вот это – со стороны людей. Да? Правильно я поняла? Спасибо большое, Сергей. Коллеги, у нас ещё два доклада, оба интересные. Юрий Иннокентьевич Жегусов выходит к нам и делает доклад. Он приехал к нам не просто не из Москвы, а из далёкого Якутска, это очень далеко. Это тоже очень небольшой город, и регион относительно небольшой. Коллеги, кто знает, что такое «наследие»? Нет? «Наследие». Вот никто не знает, вы понимаете? Я тоже, когда я прочитала презентацию, я должна была сначала прочитать, и я фиаско потерпела, потому что я думаю: «Наверное, это опечатка». И задаю Юрию Иннокентьевичу вопрос.

Реплика из зала: Наследие.

Модератор Петрова Лариса: «Наследие»? Ура! Вот уже два человека, три, включая докладчика, знают об этом, сейчас узнают об этом и все остальные.

Жегусов Юрий: Добрый вечер, уважаемые коллеги. У меня доклад будет на тему реализации антиалкогольной политики. Что у вас возникает при слове «антиалкогольная политика?» Наверное, это что-то, связанное с эпохой Горбачёва, да?

Реплика из зала: Закон от 16.05.85 года.

Жегусов Юрий: И решение этой алкогольной проблемы всем представление какое-то такое, очень спорное. Проблема – архисложная, и решение такое вообще невозможно, даже спорить не стоит, даже пытаться делать так, чтобы население меньше бухало, как говорится. Я хочу поделиться своим опытом. Я два года проработал в специально созданном для реализации антиалкогольной политики управлении, которое называется, кратко, «Управление алкоконтроля Республики Саха (Якутия)». Это Управление просуществовало два года и за два года успело много реализовать. И когда я работал в этом Управлении, не было такого мысли, что я занимаюсь, являюсь участником социальной инженерии. Я сейчас попытался на основе своего опыта сформулировать, что такое «социальная инженерия». Социальная инженерия – это совокупность методов воздействия на сознание и поведение больших групп людей с целью решения какой-то социальной проблемы, а нашей ситуации это проблема алкоголизации населения. И я убедился, что реализация социо-инженерного проекта – это командная работа. Высокомотивированная команда реализует эту идею – идею отрезвления, снижения потребления алкоголя, где социолог занимает центральное место, потому что социолог, он имеет системный взгляд на проблему, в отличие от других организаторов, у нас есть такие лекторы, как мы говорим, лектория. И социолог их консультирует и направляет на правильное направление. И вообще, конечно, при решении снижения остроты любой социальной проблемы должен быть хорошо подготовленный теоретически социолог, который знает все закономерности возникновения и развития данной социальной проблемы. В Республике Саха (Якутия) я – один из немногих, который немного разобрался, и меня пригласили поработать на государственной службе. А вообще, если посмотреть историю, проблема алкоголизации населения, она начинается ещё в советское время, ещё со времён Хрущёва. И здесь мы видим, что по всей республике у нас было алкоголиков 224 человека в 1963 году. И за 20 лет количество алкоголиков увеличилось в 115 раз. Это проблема такая, глубоко укоренённая. И, хотя показатель постсоветский считаю сильно сниженным. Потому что шёл развал, и люди меньше обращались. Несмотря на это, видите, показатель заболеваемости алкоголизмом в Республике Саха, он в два раза больше, чем среднероссийский показатель. Но здесь можно поспорить. Я считаю, у нас, в Республике Саха, самая честная статистика и самая статистика.

Последнее. Какие методы социальной инженерии могут снизить потребление алкоголя? Снизить алкоголизацию населения. Есть два направления: это ограничение доступности алкоголя при помощи законов, распоряжений, изменения законодательной базы региона и изменение сознания людей – это антиалкогольные программы. То есть изменение норм поведения и изменение законов, которые регулируют это. То есть здесь приведены законы, распоряжения – это список законов, которые ограничивают реализуют антиалкогольную политику, и профилактические меры, которые реализуются. Это второе. У нас в республике введены такие ограничения в продаже алкоголя. У нас ограничена доступность алкоголя по времени. У нас в республике алкогольные напитки продаются 6 часов: с 2-х часов дня до 8-ми вечера. И продажа алкоголя, она отделена от продуктовых магазинов, то есть алкоголь продаётся только в специализированных магазинах. Также алкоголь запрещён к продаже на первых этажах жилых многоквартирных домов. И самое важное, специфика – отдельным муниципальным образованиям дано право полного запрета продажи алкоголя. Что в

результате мы получили? За 2 года 188 сёл приняли, ну, не сухой закон, но объявили свою территорию свободной от продажи алкоголя. Это, конечно, захватывает так называемый феномен «трезвых сёл», вот Варвара Зотова, она к вам приезжала с экспедицией, в одном из сёл она прожила неделю, делала включённые наблюдения. «Трезвые сёла» у нас проживают 25% сельского населения и 8% населения республики. У нас это малые сёла. Правда, был прецедент жиганский. У нас посёлок Жиганск, в Жиганском районе был референдум о запрете продажи алкоголя, и 62% жителей, они проголосовали за запрет. Но так как юридические тонкости есть, результаты этого референдума признали недействительными. Получается так, что воля народа не была реализована.

Здесь проводим мониторинг общественного мнения, в том числе, с 2006 года у нас есть информационный стенд Республики Саха, и здесь у нас проводятся мега-опросы. Каждый опрос охватывает 10,5 тысяч респондентов. Естественно, мы видим что антиалкогольные методы большинством населения поддерживаются, и наблюдать изменение ситуации после введения этих ограничений. Здесь мы видим результаты опросы республиканского. Здесь частота потребления алкоголя и изменение потребления алкоголя после введения этих ограничений. Мы видим, что значительное количество людей стали потреблять меньше, перестали потреблять - 10%, и 15-16% уже не потребляют. Это – результаты моего исследования. Начал исследовать ещё с 2007 года, и мы видим среди молодёжи, студенческой молодёжи значительно сокращается доля тех, кто потребляет алкоголь, и увеличивается – тех студентов, которые не употребляют. Принятие законов, видите, какое у нас идёт снижение торговых объектов, реализующих алкогольную продукцию, и активность продажи алкоголя тоже снижался. И проведённая политика, видите, есть две колонки: до введения запретов и после. И мы видим, что сразу, как стали работать законы, показатели алкоголизации и смертности от сердечно сосудистых заболеваний, и, главное, у нас идёт сокращение доли мужчин, умерших в трудоспособном возрасте. Также у нас снижаются показатели инвалидности, снижаются показатели преступности. И хотел бы отметить, в каких случаях у нас используются результаты социологических исследований. Часто используются, как правило, перед принятием полного запрета в сёлах проводится социологический опрос. Обычно результаты бывают: от 70 до 80 процентов – за запрет. Социологические данные регулярно публикуются в СМИ. И социологические результаты проводятся в общественных слушаниях, когда принимают законы. И хочу отметить, что у нас антиалкогольная политика, данные идут к тому, что будет сворачиваться.

И какие мы проблемы встретили? Реализация антиалкогольной политики сильно зависит от лидера, главы региона. Если глава региона занимает твёрдую позицию по этому поводу, то антиалкогольная политика реализуется. До 2018 года антиалкогольная политика реализовывалась, шла большая работа, и когда у нас сменилась власть, это сразу же остановилось, сразу же бьют по рукам. Также можно отметить низкую информационно-аналитическую культуру руководителей. Большинство людей, которые понимают решения, они не представляют, они хотят получить мгновенные результаты, за год, за два. Спрашивают: «Почему смертей от отравлений не снизилось, почему увеличилось?» Они не понимают сути антиалкогольной политики. Она не направлена на пьющих людей, она направлена на спасение подрастающего поколения.

И «синдром АППГ», аналогичные показатели. Во всех отчётах отчитываемся по одному году, хотя решение этой сложной проблемы надо десятилетиями. Дальше есть наличие в органах законодательной и исполнительной власти алкогольного лобби, которые проводят саботаж антиалкогольной работы, противодействию.

Последнее хочу показать. Я проводил исследование, когда работал в алкоконтроле. Оказывается, счастье человека зависит от потребления или не потребления алкоголя. На этом всё. Пожалуйста, вопросы.

Модератор Петрова Лариса: Спасибо Вам большое. Юрий Иннокентьевич, это такая картинка НЕМОСКВЫ. И сейчас уже все знают, что такое «наследие», потому что это такой тип населенных пунктов Якутии. У кого есть вопросы? У Вас есть вопрос? По докладу?

Реплика из зала: Вы сказали, что 188 сёл приняли законодательно ограничения полные по продаже алкоголя. Вы при этом говорили, что первоначально проводятся какие-то социологические опросы, и, если большинство за, то, получается, местность объявляет себя безалкогольной. Но ведь всегда есть все, кто против. Вы когда-нибудь анализировали, что реально происходит в этом себе после того, как принят этот статус?

Модератор Петрова Лариса: 38%, которые остались.

Реплика из зала: Да. Что происходит? Не уходит ли это просто всё в тень?

Модератор Петрова Лариса: Хороший очень вопрос, конечно. По теме. Вы уже готовы отвечать?

Жегусов Юрий: В основном, это мужчины, в основном, зависимые от алкоголя, мужчины. Потом, по прошествии времени они понимают, позже. Есть, конечно, такие, которые открывают так называемые «точки» - нелегальная продажа алкоголя, когда привозят и продают. Ограничения всё равно идут на пользу. Потому что это ограничивает доступ для молодёжи, для женщин и снижает этот источник заразы, как говорится.

Модератор Петрова Лариса: На все вопросы сейчас нет времени, но все презентации будут на сайте. Поэтому мне кажется, что мы всегда можем связаться друг с другом, и мне очень нравится идея про то. Всем вместе. Те люди, которые заинтересованы в том, чтобы как можно было региональных поездок. Давайте мы что-нибудь по этому поводу придумаем. У нас остался последний доклад. Это тоже не Москва. Константин Галкин приехал к нам из Санкт-Петербурга. Но то, о чём он будет рассказывать, касается не этого большого города, а очень небольших, локальных сёл. В данном случае Константин представляет такую институцию как Европейский Университет. И очень сложная тема, я прочитаю: «Повседневность пожилых людей с хроническим инвалидизирующим заболеванием в селе и возможность применения индивидуального опыта в конструировании проблемы». Пожалуйста.

Галкин Константин: Добрый вечер, коллеги. Сразу хочу оговориться, что это будет такой, антропологический взгляд на проблему, а именно, проблему перенесения боли и перенесения хронического заболевания людьми, которые проживают, соответственно, в сельской местности, а именно, в Ленинградской области. Много было сказано здесь по поводу пожилого возраста, и как люди проживают, соответственно, в сельской местности,

какие существуют проблемы. И в сегодня было много услышано интересных позиций исследовательских. Но я подумал, когда начинал своё исследование: «А что, если мы проанализируем не только, как пожилые люди просто живут в селе, но и пожилых людей с хроническими заболеваниями, инвалидизирующими». Понятное дело, что многие пожилые люди в сельских районах, они имеют такие заболевания: сказывается возраст, сказываются другие причины, сказывается приобретённая инвалидность. Но, тем не менее, если мы проанализируем это и посмотрим на эту проблему антропологически, подойдём с точки зрения местности и перенесения в повседневность сложностей, связанных с хроническим заболеванием, то как, соответственно, будет представлен этот контекст НЕМОСКВЫ, переживания хронического заболевания, инвалидизирующего заболевания и трудности, связанные с повседневностью. Поэтому в своём исследовании я поставил две главные цели. Первая – выделение барьеров, изучение трудностей и барьеров, связанных с переживанием возраста и, соответственно, хронического заболевания. А вторая цель была достаточно такая, интересная, я вдохновился работой [Рогозина \(1:40:25\)](#) отчасти,, такую знаете работу 2016 года, где было показано, что старики, пожилые люди в селе, они тоже имеют право на автономность и в отличие от организаций, которые мы слышим, от родственников, от врачей, мы очень мало слышим голосов пожилых людей, мы очень мало понимаем их повседневность и очень мало понимаем то, как они хотят жить в селе, почему они выбирают этот путь и как переживают трудности, то есть тяжело ли или плохо.

Исследование я проводил в сёлах Лужского района Ленинградской области. Можно сказать, что это такой, развитый относительно район, потому что там есть и Абразивный завод, и 136 км – удаление от Санкт-Петербурга, то есть от крупного мегаполиса, что объясняет специфику: и добраться можно легко, и специфика расположения района, плюс к тому же здесь прекрасное сообщение железнодорожное и автобусное с Санкт-Петербургом, и сообщение в районах тоже присутствует, которые я изучал.

Основным моим методом было антропологическое погружение в таких, добрых традициях старика Клиффорда Гирца, когда я один как исследователь, потому что я был один в поле постоянно. И, с одной стороны, были и проблемы определённые, но, с другой стороны, вспоминая об этом сейчас, ты понимаешь, что это такой, уникальный материал, интересные исследовательские категории, твоя деятельность, она тоже очень важна. И вот, соответственно, я наблюдал за повседневными практиками, проводил повседневные беседы, я жил в этом и, соответственно, проводил полуструктурированные интервью с информантами, многие интервью были глубинные. Размер каждого интервью был по 2-3 часа. Плюс беседы, которые фиксировались. Соответственно, моими информантами были 25 пожилых людей Лужского района Ленинградской области. Я также брал интервью у фельдшеров и врачей, мне интересно было посмотреть ещё и взгляд организации. Соответственно, сотрудники и люди, которые имеют отношение к медицинской помощи, смотрят на таких людей, происходит ли их инфантилизация, как устроена их инфантилизация, и как эту инфантилизацию описывают сами врачи и, соответственно, сами пожилые люди.

Если говорить контексте, я постараюсь кратко сказать. Я рассматриваю в работе возраст как крайне категорию и хроническое заболевание, соответственно. С одной стороны, у нас есть классические работы Гоффмана, работы, где он описывает ношение

бифокальных очков и, соответственно, попытка противостоять самостигматизации пожилого человека, они здесь тоже крайне актуальны, потому что как раз-таки хронические заболевания и усиление хронического заболевания и определённая телесная немощность, которую испытывают пожилые люди в селе, она, безусловно, сказывается и, безусловно, может влиять на самостигматизацию. С другой стороны, последние веяния керапоантропологии, это есть такой новый термин, недавно совершенно я об этом узнал, который присутствует в работах Грениера. Здесь это изучение пожилого возраста, во-первых, с точки зрения феноменологии и, с другой стороны, если мы говорим о хроническом заболевании, то это изучение переживания хронического заболевания, а именно изучение так называемого «feeling frail» - это чувство хрупкости, дословно можно на русский язык более близко перевести как «чувство переживания немощности». И это чувство, оно варьируется, оно крайне тоже не гетерогенно, в зависимости от состояния, в зависимости от того, как прогрессирует болезнь. Здесь можно также вспомнить классические работы, то есть это «боль плоти». Как раз описывается, что если мы анализируем повседневный опыт, если мы акцентируем внимание на таком, феноменологическом понимании повседневного опыта человека, то совершенно разные сюжеты, совершенно разные переживания своей телесности, восприятия боли телом здесь крайне важно и крайне интересно. И на этом построено очень много, начиная от автономности и заканчивая пониманием итогов своей старости и, соответственно, итогов в плане того путь в дом престарелых или человек останется жить один и будет стараться минимизировать боль. И, соответственно, также хотел посмотреть с точки зрения инфантилизации, потому что анализируя интервью, потому что всё шло из полевого материала – много было очень интересных сюжетов, связанных именно с «беби-ток», когда с пожилым человеком говорят, как с ребёнком. Причём это отличается по гендеру, потому что с мужчинами реже говорят, как с детьми, в отличие от женщин, что довольно интересно. И, соответственно, интересна инфантилизация с точки зрения медицинского персонала, потому что инфантилизация с точки зрения родственников, она не так сильно воспринимается пожилыми людьми. Здесь крайне тоже интересно. Именно проанализировать, как сельские врачи инфантилизируют сельских же пациентов, это тоже интересные сюжеты.

Если говорить – вот так выглядят дороги, обычная сельская дорога в деревне, где я изучал. Надо сказать, что в деревне, где живут пожилые люди, они живут одни, все мои информанты, к ним редко приезжают родственники в зимний период, иногда летом приезжают чаще родственники, и, если говорить, о качестве дорог, то они выглядят так, и, соответственно, информантам моим приходилось расчищать самим дорогу, как правило, чтобы обеспечить какую-то свою мобильность по посёлку, хотя бы до колодца. Проблема водоснабжения сегодня поднималась уже. Это крайне, очень сложная проблема для моих информантов. Водоснабжение в сёлах – это два инфраструктурных блага, если можно так выразиться: это колодец, откуда нужно принести вёдра до своего дома и, соответственно, их достать, и колонка, которая часто зимой может замерзнуть.

Если говорить дальше о проблемах, которые тоже были очень хорошо выражены в интервью, в переживаниях пожилых людей своей повседневности и, соответственно, перенесения своего заболевания, это проблема туалетов. Потому что туалеты я изучал, у

меня специально был такой, выборку построил так, что у меня были люди, которые жили в многоквартирных домах – не такие классические многоквартирные дома, а двухэтажные, с лестницей, чем-то напоминающие городские, и, соответственно, люди, которые жили в частном секторе, в обычных деревянных домах. Так вот, если мы говорим о туалетах, то в обоих случаях это выглядело следующим образом: либо это общественный туалет на улице для многоквартирных домов либо, соответственно, деревянные, построенные в сенях деревенского дома.

Если мы говорим о посещении амбулатории, то вот такие рельсы, если человек на коляске и слабомобильный и не может передвигаться, не представляют никакой возможности подняться такому человеку в амбулаторию по разрушающимся ступенькам, где отваливаются болты все. Я специально проверял, как это устроено всё. Это лестница в амбулаторию. Здесь вообще, как мы видим, не предусмотрено никаких ни рельс, ничего, в принципе, такого, что могло бы позволить как-то добраться до врачей, например. Тем не менее, из таких сложных проблем, которые выделяются, это, конечно, работа по дому. Но работа по дому у нас всегда представлена в многоквартирных домах поддержана автономность. Есть некие практики, которые позволяют поддержать «статус человека», и мои информанты их пополняют самостоятельно. Они не обращались за помощью к родственникам, к соседям. Список этих практик здесь представлен с фразами интервью, и это очень интересно, это практики, которые позволяют, с одной стороны, поддержать этот «статус человека», а с другой стороны, маркировать то, что ты ещё живой, что твоё тело не слишком подвержено хроническому заболеванию. Также очень важны сети поддержки. Если мы говорим о сетях поддержки, то это, конечно, соседи – это такое, терапевтическое общение, и родственники, с которыми, как правило, мы рассчитываем на более серьёзную помощь.

Про качество медицинской помощи можно много что сказать, но кратко я скажу следующее, на что следует обратить внимание. Это, конечно, проблема того, что к врачам обращаются чаще всего за такой, профилактической помощи в сельской местности. Врачам и фельдшерам доверяют не слишком сильно свои проблемы, серьёзные проблемы пытаются доверить вызову скорой помощи, которая может и не доехать, потому что по дорогам, которые я показывал ранее никак машина скорой помощи не может проехать, только полноприводные автомобили, которых довольно-таки мало в ЦРБ Луги. Если мы говорим о врачах, то это такая тема как раз, это такая надежда на то, что врачи могут помочь, могут оказать первичную какую-то помощь, но, тем не менее, в случае серьёзного обострения заболевания, в случае как раз ухудшения этого «feeling frail», нужно обращаться, соответственно, скорую помощь вызывать. Вот плакаты в амбулаториях, я тут выборочно так показал. Потому что это довольно-таки интересно так показано: 80% плакатов, в амбулатории которые висят, они изображают пожилых людей с какими-то проблемами. То есть это тоже такая, инфантилизация, именно построенная на тематике плакатов. И, соответственно, самые самые «топовые» заболевания, которые демонстрируют эти плакаты, это сердечно-сосудистые заболевания, заболевания, связанные с ожирением и т.д., и онкологические заболевания. Причём, эти плакаты на вес золота, как мне рассказывали сами врачи. Также есть очень хороший демонстративный пример, как в амбулаториях

вешаются какие-то сведения о диспансеризации, и на них ничего не сказано о том, где проходить диспансеризацию. Если говорить с точки зрения врачей, то, как правило, врачи и фельдшеры, работая с сельскими пациентами с хроническими заболеваниями, они стараются отправить такого человека в больницу, в ЦРБ, чаще в Лугу, и, соответственно, стараются сами оказывать незначительную помощь, давать антибиотики и какие-то очень слабые болеутоляющие, которые есть в амбулатории.

Теперь отвечаю на вопросы. Скажу очень кратко по поводу вопроса, нужно ли ходить в поле и нужно ли изучать. Я скажу, что да, безусловно, нужно изучать эти проблемы и нужно быть качественным антропологом, потому что здесь важен всегда опыт, и на опыте можно построить и теоретическую базу и сделать какие-то свои выводы. Поэтому здесь, как Клиффорд Гирц, в классической работе, нужно внедряться в этот контекст, и, чем больше ты будешь в этом контексте, тем больше поймешь их проблемы.

По поводу вопроса о том, как это донести до наших потенциальных людей, которым, это, возможно, будет интересно, здесь возникла у меня интересная идея, интересный сюжет – это создать некий «Атлас третьего возраста», потому что я поговорил с человеком местного значения, и он говорит: «Мы бы, может быть, и услышали бы самих наших пациентов с хроническими заболеваниями, мы, может быть, и как-то постарались их понять, но у нас нет никакого единого справочника». Все презентации здесь не работают. И такой справочник, как у американцев, он был бы универсален и в какой-то мере смог помочь достучаться до чиновников.

Спасибо большое.

Модератор Петрова Лариса: Спасибо. Костя, извините, пожалуйста. У нас совсем кончилось время. Это, конечно, по-моему, очень важная фаза, умирающих сейчас нет. Это, наверное, определяет этот сегмент. Видите, какие у нас разные сегодня были кейсы, очень и очень диверсифицированная картина социальная, социологическая, которую мы уже имели в России.

Спасибо большое, Костя. Мы просто переносим сейчас в такое, кулуарное общение. Коллеги, я очень признательна всем, кто пришёл послушать. И ещё больше признательна тем, кто сегодня представил эти данные. Мне кажется, что это какое-то начало разговора о том, что мы видим, когда мы изучаем. Поскольку я предложила вам ответить на эти вопросы, то я записывала за докладчиками. А как же нам сделать так, чтобы наша работа пригодилась, чтобы она что-то изменила, ну и, конечно, изменила к лучшему. Конечно, некоторые вещи – это фантазии фанатика, но это просто идеи. Дорога, как говорят, начинается с одного шага. Мне кажется, что если мы ведём переговоры с заказчиками, например, такими как крупный бизнес, отвечающий за регионы, у каждого есть такой бизнес, который статусный в регионе, давайте мы в ТЗ будем вписывать какие-то общественные слушания, обсуждения. Например, с этим же заказчиком, но публичные. Может быть, они на это пойдут, а, может быть, просто не заметят этого в ТЗ, мы этого сделаем, данные будут доступны большему кругу людей. Единственное, что сегодня все показали, как важны полевые экспедиции, и что вот этот локальный контекст по-другому, очевидно, не изучить. Но Маша права, она с этого начала, у нас очень мало опыта такого.

Это просто единичные случаи. Но почему тогда мы не ездим? Мне кажется, это было бы вообще правильно, что называется. Вообще Высшая Школа Экономики, поддерживающие студенческие экспедиции, к нам из Екатеринбурга приезжали, Лиза Полухина, изучали у нас Уралмаш. Интересная деталь: должны были приехать 12 студентов, приехали 10. «В чём дело?» - говорю. «А родители не пустили». Ну, как это, на Уралмаш поехать? Вот ещё проблема полевой экспедиции. Следующее. Мне очень понравилась критичная такая идея, которую Максим Евгеньевич выразил, вообще-то говоря, нужно спрос формировать. Мы должны говорить: «А мы вот это можем». Ответ на вопрос «А что вы можете?» мы должны уже иметь заранее. Мы должны быть к этому готовы. А мы же все (все - это я обобщаю), многие по-прежнему сидят, да, и не хотят никуда выходить. Да, хотя бы в СМИ публиковать то, что мы делаем, хотя бы через этот канал как-то добиваться. Я уж не говорю, что это могли быть какие-то значимые группы в соцсетях и т.д. И, конечно, от человека зависит. Вот сегодняшние примеры, как в регионе от руководителя зависит решение, политика и т.д. Мы просто не можем это не учитывать. Конечно, наше всё – это системность. Поэтому, когда есть мониторинг – это счастье. А если его нет? Как-то выход надо искать. Конечно, это доверие к данным социологическим тоже надо выращивать, культуру. Потому что они наверное, так и говорят, не только респонденты, но и руководители: «Ну и что? Вот ваши данные, что мне с ними делать? Я же не могу изменить сейчас ситуацию». Видимо, что-то в этом есть. И вот примеры показали, когда мы имеем хоть какую-то каплю государственных денег на исследование в регионах – это уже движение, это уже указывает на то, что вас видят оценивают, и для нас для всех это очень важно. Это только начало, это только список. Меня организаторы просили напомнить, что несмотря на то, что сегодня, сейчас дружеская конференция заканчивается, наша секция, это торжественный момент, но официальный Телеграм-канал существует «Российская социологическая неделя», и там прямо вот видеотрансляции, тезисы докладчиков, самое интересное, социологические данные, сайты, эксклюзивные записи спикеров. Подписывайтесь. И ещё конкурс объявлен. «Российская социологическая неделя» - два конкурса, если вы слышали, может быть уже, если откроете, вы можете выиграть оплату какого-то курса на Coursera.

Вот в таком телеграфном, и даже телеграммном в чём-то, режиме, я сказала. Я хотела завершить. Даже если хотите, это просто потенциал.

Большое спасибо, что вы сегодня собрались, эти важные проблемы поставили. Давайте держаться друг дружки и эту НЕМОСКВУ описывать так же активно, как описывают Москва и Москву. Спасибо вам большое.

